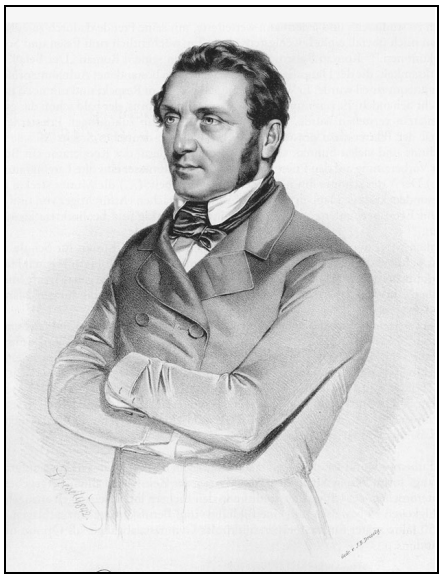
Фальмерайер и Остерман-Толстой: история взаимоотношений

© Виталий Двораковский, 2012
специально для сайта http://www.ostermanniana.ru



Портрет Я.Ф. Фальмерайера

Якоб Филипп Фальмерайер (1790–1861) — немецкий ученый-востоковед, публицист, политик и путешественник. В немецкоязычном мире Фальмерайер считается одним из великих интеллектуалов XIX века. Наряду с другими учеными, он заложил основу для формирования византиноведения как самостоятельной научной дисциплины в Германии. Он был блестящим эссеистом, а его «Восточные фрагменты» стали в немецкой литературе классикой путевых очерков.

Фальмерайер познакомился с Остерманом-Толстым в Мюнхене в 1831 г. Граф вынашивал тогда планы поездки в Египет и Грецию. Отставной генерал всегда испытывал недостаток в образовании и надеялся, что путешествие расширит его кругозор. Профессор Ландсхутского лицея показался ему человеком, способным удовлетворить его интеллектуальные потребности. Граф невероятно много читал и предпочитал общение с людьми, у которых полагал возможным научиться чему-либо. Фальмерайер был хорошим оратором, убежденным, язвительным, остроумным и часто провокационным. Надо полагать, что ему потребовалось не очень много времени, чтобы произвести впечатление на Остермана-Толстого!

Они, похоже, договорились о совместном путешествии на взаимовыгодных условиях: Остерман-Толстой нуждался в переводчике и секретаре и, попросту говоря, нанял профессора в качестве сопровождающего, а Фальмерайеру предоставлялась уникальная возможность лично побывать в местах, связанных с его научной работой.

Немецкий ученый и «уставший от Европы московит» 21 августа 1831 г. отправились в странствие, продлившееся три года. Их сопровождали трое слуг, два врача и один адъютант. Граф все финансовые заботы возложил на себя и взял с собой 500 томов книг, большое полотно, изображающее распятие, и бронзовый бюст Александра I. «Эти громоздкие вещи сопровождали его на протяжении всего путешествия по Востоку и по воде, и по суше, словно талисман, приносящий счастье», — вспоминал Фальмерайер. Остермана-Толстого, на самом деле, влекли на Восток не столько пира-

миды Мемфиса, мавзолеи Фив, Абу-Симбел и цветущие сады Дамаска, сколько христианские святыни Иерусалима.

В Триесте они погрузились на судно и направились через Адриатику к Средиземному морю. Морской переход в Александрию занял 33 дня. «С первого по последний день я был болен, — писал Фальмерайер. — Настроение Остермана не могло подавить ничто, и он только стыдил нас всех... Он путешествовал с восточной роскошью».

Расточительность графа удивляла и возмущала Фальмерайера. Он отмечал склонность Остермана-Толстого к эмоциональным срывам и иррациональным эксцессам. Ученый подчинялся как хамелеон, давая волю неодобрению лишь в своем дневнике. «Я завишу от его фантазий и сумасбродств. Он чувствует, что я приношу себя в жертву, он даже благодарен мне за это. Но какие радости и раздражения он несет мне — это для него величина неизвестная!»

Туристы сошли на берег в Александрии, бывшей величественной резиденции египетских царей, и увидели грязный полуразвалившийся городок средней величины. На месте существовавших здесь когда-то роскошных дворцов стояли убогие почерневшие глиняные хижины, переполненными паразитами.

Отсюда путешественники отправились по направлению к Каиру и 9 ноября 1831 г. прибыли в Шубра-эль-Хейма. Здесь они посетили сады, тогда только заложенные вице-султаном Египта Мухаммедом Али. «Роскошные сады, вечно цветущие лавры и бенгальские розы. Заповедные жасмины, длинные ряды горшков с ароматными цветами, новые оранжерейные рощи, беседки и фонтаны», — записывает в дневнике Фальмерайер.

В Каире, на треть стоявшем в развалинах, Остерман сумел найти пригодный для жилья дом, расположенный на большой полузатопленной площади. Меблировка комнаты, предназначенной для Фальмерайера, состояла из высоко поднятой плетеной кровати, служившей столом днем и ложем ночью, матраса и льняных занавесей от мух. Совсем другой вид имело жилье графа. «На алтаре в его комнате с ярко-красным ковром горели белые восковые свечи, а на памятные даты или когда воспоминания с особой силой овладевали им, курился фимиам. Такой антураж нередко наводил приверженцев Ислама на подозрение, что мы — идолопоклонники», — вспоминал Фальмерайер.

Каждое воскресенье генерал ходил в греческий храм, где он непременно должен был отстоять двухчасовую обедню, щедро пожертвовать на больницу и в пользу бедных православных семей.

В декабре путешественники отправились вверх по Нилу, преодолевая встречное течение. Остерман-Толстой нанял две парусные баржи, или дахабии. Одна из них вы-

делялась для пассажиров, другая — для кухни. Граф почти весь переход по Нилу страдал дизентерией. При этом все мучились от непогоды — сначала от холода беспрестанно дувшего северного ветра, потом от наступившей жары…

В знаменитых Фивах (ныне Луксор) им повстречалась группа французских офицеров, занятых, как написала одна из газет того времени, «транспортировкой какого-то обелиска». Вывозили монумент, подаренный Франции Мухаммедом Али (сегодня «игла» стоит на площади Согласия в Париже).

Для того чтобы проложить дорогу для перемещения обелиска, французский экспедиционный отряд нанял из местных 800 рабочих, которые прорезали два холма, снесли добрую половину деревни и очистили местность от гор мусора. Еще год назад до появления здесь Остермана-Толстого обелиск укрепили на палубе специально построенного во Франции корабля. А сейчас все дожидались разлива Нила, так как из-за чудовищного веса камня судно едва возвышалось над водой. Именно во время этого вынужденного бездействия в Луксор прибыли наши путешественники.

По мере приближения к святым местам поведение Остермана-Толстого постепенно менялось. В нем нельзя было узнать прежнего жизнерадостного и энергичного спутника, любителя хорошей еды и вина. Он стал поститься, избегал общения и все больше углублялся в себя.

В Иерусалим паломники прибыли 28 июля, христианское население устроило им торжественный прием с большими почестями. «Можно представить себе, — писал Фальмерайер, — гордого воина, героя Бородина и Кульма, с глубочайшим чувством собственной ничтожности беспомощно преклонившего колени перед саркофагом на Голгофе!»

Если взглянуть на политическую обстановку того времени, то можно увидеть, что наши «герои» двигались по городам Ближнего Востока почти след в след за армией египетского правителя Мухаммеда Али, который вел военную кампанию против Турции.

Во второй половине ноября 1832 г. Остерман-Толстой, оставив Фальмерайера в ливанском Триполи, решил проявить свои незаурядные воинские способности, присоединившись к египетской армии, и в течение полугода находился в распоряжении полководца Ибрагима-паши, всячески помогая ему советом и делом в борьбе против турецкого войска. По мнению Дмитрия Завалишина, своими успехами Ибрагим-паша обязан именно Остерману-Толстому, который «руководил в победах его над султанскими полководцами». Блестящий исход битвы при Конии в пользу египтян, по всей видимости, стал возможен благодаря «вмешательству» отставного российского генерала от инфантерии. Несмотря на двойное превосходство турецкой армии, Ибрагим раз-

бил ее наголову и взял в плен 9 тысяч человек. Однако в поддержку Турции выступила Россия, и египтяне были вынуждены прекратить боевые действия. Кютайский мир, подписанный 4 мая 1833 г., подтвердил право Мухаммеда Али на Египет, Крит, Аравию и Судан, и сделал его правителем Палестины, Сирии и Киликии.

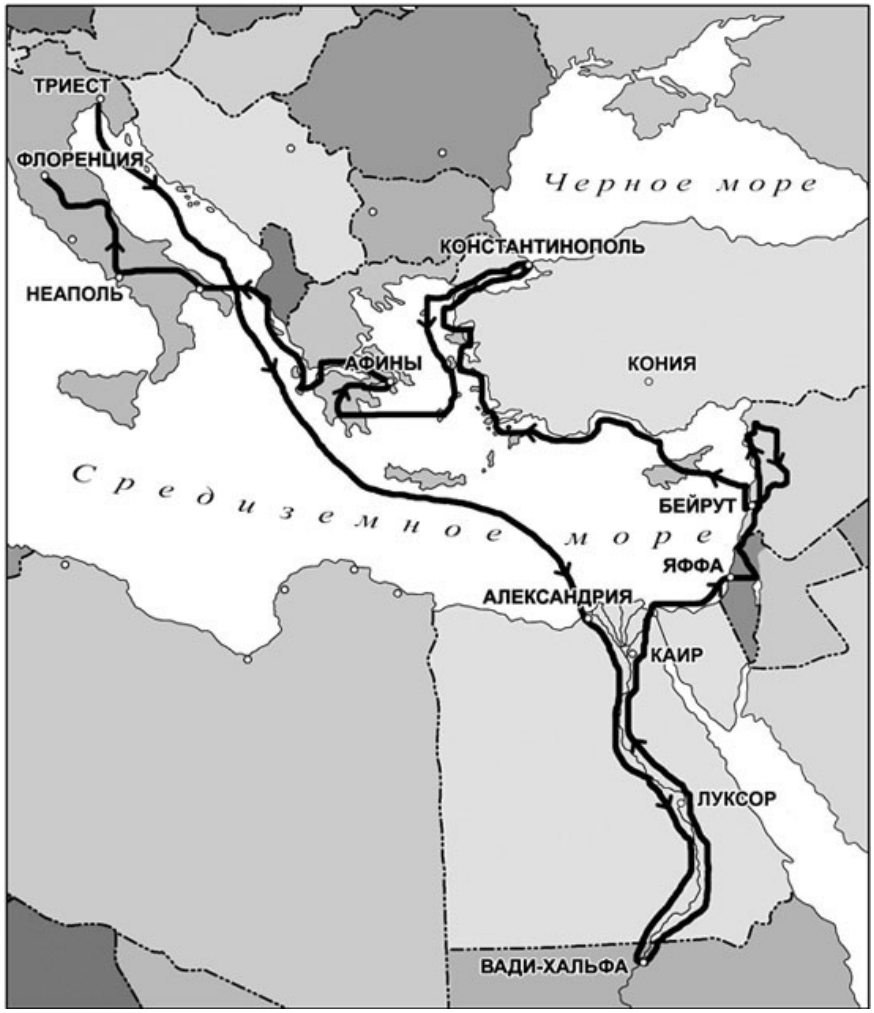
В этих обстоятельствах трудно было представить Остермана-Толстого, находящегося почти в самом центре военных событий, в роли праздного туриста. Разве мог герой Кульма пройти мимо, проигнорировав возможность поучаствовать в «заварушке»? При этом Остерман-Толстой неожиданно для самого себя очутился во вражеском стане, никак не предполагая, что Россия поддержит своего давнего врага — Турцию. Герой наполеоновских войн, сам того не желая, оказался чуть ли не изменником! После подписания мирного договора Остерман-Толстой в начале мая 1833 г. вернулся в Триполи к ожидавшему его Фальмерайеру, чтобы продолжить совместный средиземноморский круиз.

Наши туристы покинули материк и направились к средиземноморским островам и далее на Константинополь, потом в Грецию и в марте 1834 г. прибыли в итальянский порт Бриндизи, где несколько дней находились на вынужденном карантине. Завершилось трехлетнее странствие во Флоренции.

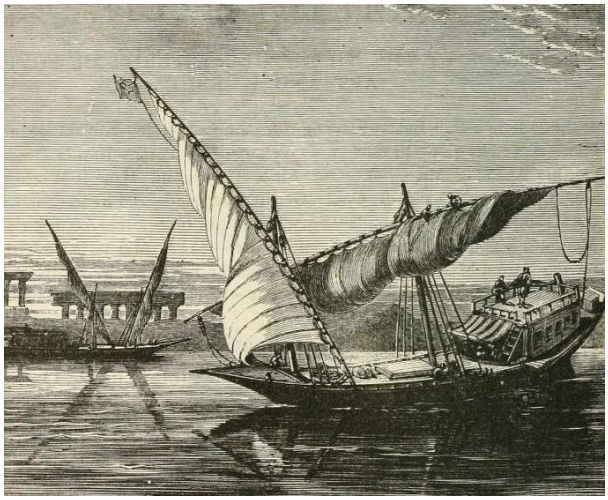
Бывшие попутчики еще долгие годы поддерживали приятельские отношения. В 1835 г. они отправились в Богемию по «местам боевой славы» Остермана-Толстого, в 1836 г. встречались в Пизе, на следующий год — во Флоренции, с октября 1837 г. Фальмерайер гостил у графа в Женеве в течение 7 месяцев, провел у него зиму 1839/40 года… и так почти регулярно. «Только бы причуды старого графа гармонировали с элегантностью его дома, — писал профессор накануне очередного визита и добавляет в сердцах: — Придворная жизнь, визиты и остроты в кругу благородных людей — как мне все это надоело!»

Они были знакомы 26 лет, и за это долгое время их дружба сохранила обоюдную теплоту и завершилась лишь со смертью графа. В некрологе на смерть Остермана-Толстого Фальмерайер напишет: «В нем скрывался такой богатый запас благожелательности, прямоты, остроты мысли, признательности даже за самые незначительные услуги, оказываемые ему, и в то же время такая скромная и умеренная оценка собственной значимости, что есть все основания причислить усопшего к любезнейшим представителям аристократии русского народа».

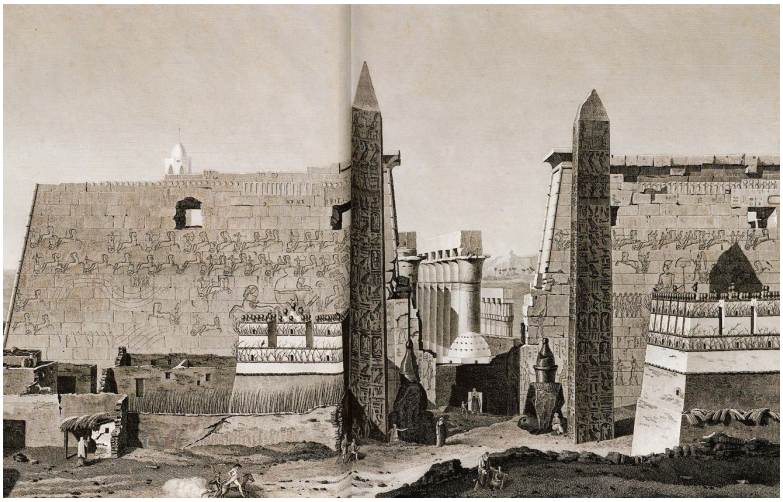
В. Двораковский, 2012



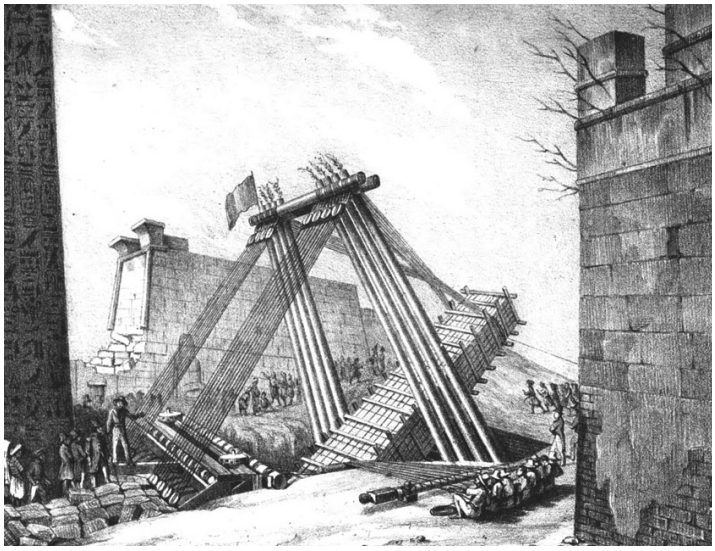
Путешествие А.И. Остермана-Толстого и Я.Ф. Фальмерайера в 1831-1834 гг.



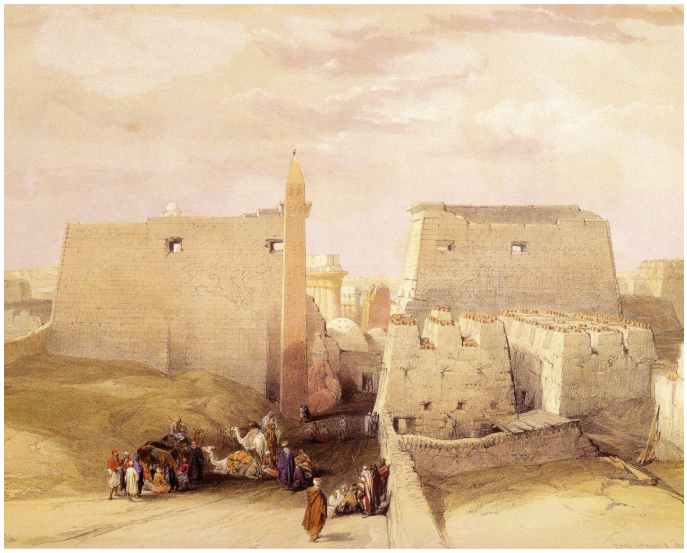
Дахабия – лодка для путешествующих по Нилу



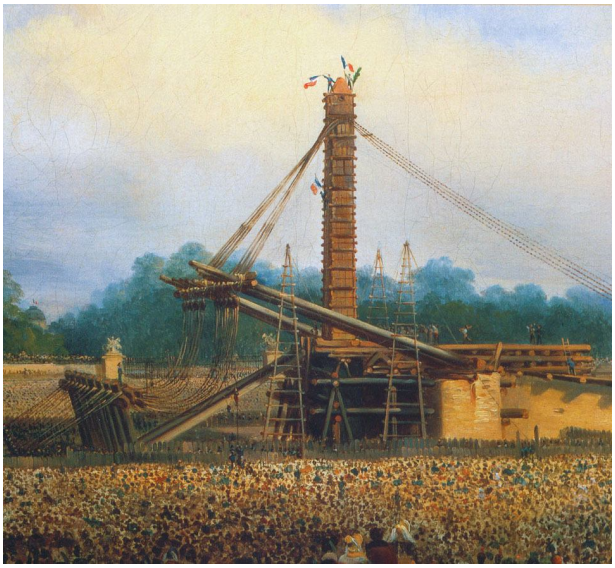
Вид Луксорских обелисков до перевозки



Инженерные конструкции для перемещения обелиска



Вход в Луксорский храм после вывоза обелиска



Установка «иглы» в Париже в 1836 г.

Площадь Согласия в современном Париже